

УДК 811.161.1: 81'37

DOI: 10.17223/19986645/49/2

И.Е. Ким, Т.А. Шароглазова

ПРОПАЖА И ПОТЕРЯ В РУССКОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ: КОНВЕРСНОСТЬ И АСИММЕТРИЯ

Статья посвящена семантике двух глаголов потерять и пропасть, обозначающих на первый взгляд похожие или даже аналогичные ситуации и противоположных по актантной перспективе, т.е. конверсных. Более тщательное изучение семантики этих предикатов говорит о том, что потеря и пропажа различаются не только диатезой, но и сущностно: потеря означает разрыв отношения обладания, а пропажа – исчезновение из воспринимаемого мира. Тем не менее существует зона пересечения семантики потери и пропажи, что позволяет говорить о наличии конверсности этих глаголов, но только с ограничениями на пресуппозитивную часть их значения.

Ключевые слова: семантика действия, пропажа / потеря, пресуппозиция, посессивность, сопричастность, существование.

Конверсность представляется нам чрезвычайно важным понятием в русской синтаксической семантике, которое требует не только лингвистического описания, но и словарной фиксации. Однако это очень капризное и непоследовательное отношение, требующее во многих случаях специального изучения на массиве контекстов и учета разницы лексико-семантических вариантов.

Наша статья посвящена проблеме оценки наличия конверсности глаголов со значением потери и пропажи. Работа выполнена в русле исследований семантики действия.

Семантику действия можно моделировать двумя принципиально разными способами: с помощью пропозитивной (предикатно-актантной) и каузативной (перифрастической, или текстовой) моделей. Первая модель восходит к идеям Л. Теньера и реализуется в работах У. Чейфа, Ч. Филлмора, в трудах отечественных лингвистов Т.П. Ломтева, В.В. Богданова, В.Г. Гака, Т.В. Шмелевой и др. Суть ее в том, что действие представляет собой разновидность события и моделируется как структура, состоящая из семантического центра – предиката, окруженного серией позиций для участников события – актантов (актантной рамкой) и помещенного вместе с ними в пространственно-временную непрерывность, представленную сирконстантами – локативом и темпоративом. Вторая модель представляет действие как набор простых процессов, связанных между собой причинно-следственными (каузативными) отношениями. Эта модель использовалась в работах Г.П. Мельникова, Ю.С. Степанова, А.Ф. Дремова, а также в работах А. Вежбицкой и представителей московской семантической школы (Ю.Д. Апресян, М.Я. Гловинская и др.).

В настоящем исследовании используется пропозитивная модель семантики действия.

Семантика потери в русском языке интересна по крайней мере в двух отношениях: во-первых, потеря имеет пресуппозицию предшествующего посессивного отношения; во-вторых, она, будучи лишена всякой преднамеренности со стороны субъекта и его активности, тем не менее выражается по модели активного действия. Обе особенности можно проиллюстрировать довольно простым примером: <Меня просто трясло. К тому же ещё> сразу после старта я **потерял** шапочку – слетела, я сначала даже не заметил («Известия». 26.07.2002¹).

Обозначенная в данном высказывании потеря оформляется активной конструкцией с субъектом в именительном падеже и объектом в винительном падеже. При этом потере предшествует обладание – разновидность посессивного отношения ('у меня была шапочка'). Обладание осложнено еще и физическим контактом субъекта с объектом: шапочка располагалась на голове лица, обозначаемого местоимением я. Это отношение и разрывается вследствие потери. Отсутствие предшествующего событию отношения обладания сделало бы, таким образом, потерю невозможной («Чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно сначала купить что-нибудь ненужное»).

Выражена потеря активной глагольной конструкцией: глагол *потерять* переходный, позиция Им. падежа существительного имеет значение субъекта, а позиция Вин. падежа существительного – значение объекта, как при обозначении действия (ср. *Я купил шапочку; Я порвал шапочку*). Такое обозначение потери, характеризующейся отсутствием контроля над процессом со стороны субъекта, активной конструкцией, выражающей контролируемость процесса субъектом, в терминологии Г.А. Золотовой является неизосемичным [1. С. 44].

Неизосемичность выражения потери предполагает многочисленные семантические коллизии, столкновения семантики конструкции и лексемы. Семантическая модель действия включает в себя два важных момента, в общем случае отсутствующих в потере: наличие каузации результирующего состояния усилиями субъекта действия, а также целенаправленность действия: намеренность, прикладывание усилий, ориентация на результат [2]. Отсутствие в семантике потери этих важных смысловых составляющих проявляется в ограничениях аспектуального характера, в частности в отсутствии вне специального контекста значения процессности у имперфектива со значением потери, например: **Я пять минут терял свою шапочку*; в необходимости введения в текст или высказывание дополнительной информации, поясняющей моменты непреднамеренности потери, как в приведенном примере: ...*слетела – я сначала даже не заметил*. В данном случае требуется обоснование отсутствия фиксации утраты предмета, имевшего физический контакт с субъектом потери.

Не будучи по своей природе действием, потеря представляет пропозицию с двумя актантами, и поэтому ее синтаксическое выражение может иметь разную актантную перспективу – диатезу [3. С. 280]. Суть этого понятия в том, что одна и та же ситуация, в которую включены несколько участников с

¹ Здесь и далее используются контексты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) с максимально возможным сохранением орфографии и пунктуации источника.

разными семантическими ролями – актантами, может быть описана разными способами: большую значимость (специалистами по когнитивной лингвистике используется понятие фокуса внимания, или фокуса интереса [4, 5]) может приобретать один из актантов, а другой оставаться в тени или вообще не быть представленным в системе синтаксических позиций. Таким образом, можно говорить, что пропозиция представляет собой своеобразную «карту» ситуации, а диатеза – маршрут, пролагаемый по этой карте. Потенциальный набор диатез был предложен А.А. Холодовичем в работе [3. С. 285].

При обозначении потери возможны две диатезы: активная, например: *Я потерял ключ* и пассивная, например: *(Мной) потерян ключ*; ср. также: *Малика Юсуповна потеряла кольцо, раритетную драгоценность, которую ей подарил муж* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004); *Только я не виновата, что потеряно кольцо* (А. Пришелец. Сенокосная пора). Возможны, однако, еще две репрезентации пассивной диатезы: *У меня потерялся ключ* (с возвратно-пассивной формой глагола) и *У меня пропал ключ* (с употреблением другого глагола *пропасть*).

Обратим внимание на форму у N_2 : это показатель причастности [6, 7. С. 55–56], или «личной сферы героя» [8], обычно интерпретируемый как показатель посессивного отношения [9]. Таким образом, возвратно-пассивная форма глагола *потерять* и глагол *пропасть* маркируют актантную перспективу, которая на шкале соотношения значимостей субъекта и объекта потери располагается между пассивом и объектным квазипассивом, диатезой, при которой в центр пропозиции помещается объект, а субъект оказывается за кадром. В описываемой конструкции субъект присутствует, но интерпретируется не как активный (контролирующий), а как причастный (не контролирующий). В связи с этим обратим внимание на интерпретацию творительного падежа в конструкции *Мной потерян ключ*. По отношению к потере творительный падеж субъекта обозначает, конечно, не контроль со стороны субъекта, а его ответственность за потерю. Это означает, что творительный падеж и родительный падеж с предлогом *у* различаются мерой ответственности субъекта: при выражении творительным падежом субъект интерпретируется как ответственный за потерю, а при выражении родительным падежом с предлогом *у* он интерпретируется как обладатель. Сочетаемость пассивной формы глагола *потерять* с творительным падежом субъекта означает сохранение в ее семантике активности субъекта, в то время как наличие валентности у N_2 у возвратно-пассивной формы этого глагола и у глагола *пропасть* свидетельствует о выражении ими идеи инактивности субъекта (что, кстати, соответствует семантике потери).

Из всего вышесказанного вытекает, что *потерять* и *пропасть* ведут себя как лексические конверсивы – слова, обозначающие одну и ту же ситуацию «с разных сторон», помещая в фокус внимания субъект (*потерять*) или объект (*пропасть*) посессивного отношения.

Конверсивы представляют собой один из маркеров ограниченности языка как способа отражения вещного мира. Одномерность речевой цепи и письменной строки предполагает единственность порядка следования языковых выражений, обозначающих в актуализированном высказывании участвующие в отражаемом событии реалии. Это качество подобно перспективе двух-

мерных изображений [10]. Жесткость в расположении языковых единиц, свойственная речевой последовательности, мешает произвольности мысли и речи. Конверсность, наравне с залогом, а также разнообразными средствами тематизации и рематизации позволяет представить событие с разных сторон, задавая «перспективу» (термин Ч. Филлмора) в порядке предъявления его участников адресату высказывания. Таким образом, произвольность восприятия события в языковом выражении ограничивается линейностью речи / письма и разнообразится диатезой и конверсностью как способом ее синтаксического и лексического выражения.

Часто конверсность интерпретируется как разновидность антонимии ([11; 12. С. 223–227; 13] и др.), однако антонимия является отношением различия, в то время как конверсность представляет собой отношение тождества. Поэтому Т.П. Ломтев определяет в качестве наиболее важного свойства конверсии логическую эквивалентность прямого и конвертированного отношения [14. С. 81].

Само отношение, реализуемое конверсивами, именуется по-разному: конверсность, конверсивность, конверсия, обратное отношение ([15, 16] и др.).

И.И. Минчук, обобщив разноаспектные исследования по конверсности, определяет восемь ее дифференцирующих признаков: «(1) тождество денотативной структуры ситуации; (2) двухсторонняя импликация; (3) тождество смысла; (4) бинарность отношения; (5) взаимная мена коммуникативных рангов; (6) тождество грамматической структуры; (7) автосемантичность конверсатора; (8) автосинтаксичность конверсатора» [17. С. 7].

Однако по отношению к конверсности глаголов *потерять* и *пропасть* обнаруживается важная проблема, связанная с тем, что эти глаголы имеют различия не только в актантной перспективе обозначаемых пропозиций, но и в пресуппозитивной части значения. Потеря имеет пресуппозицию предшествующего посессивного отношения, что ставит глагол *потерять* в один ряд с глаголами *выбросить*, *лишиться*, *растаться* (с N₅). В то же время для пропажи значимой является пресуппозиция существования. Этим глагол *пропасть* сближается с глаголом *исчезнуть*.

Существует довольно сложное соответствие существования и обладания – семантического прототипа посессивности. В общих чертах это соответствие можно представить следующим образом. Для выделяемой сознанием реалии важен не только факт существования в мире, но и наличие отношений, в которые она в нем вступает. Наиболее устойчивыми и относительно произвольными являются посессивные отношения, которые невидимы, но мыслятся как наличествующие и стабильные. Посессивные отношения в культурной антропологии были проинтерпретированы как особого рода мистические сопричастности, которые связывают обыденного (первобытного) человека с реалиями, местом, тотемом, другими людьми [18]. Существование, если на него накладывается сопричастность, конверсно обладанию, что приводит к наличию в языках двух посессивных моделей, одна из которых в конкретном языке доминирует, – *быть* и *иметь*: бытийной, как в русском языке (*У меня есть оружие*) и посессивной, как в английском языке (*I have (got) a weapon*), ср. различие «быть»- и «иметь»-языков [9. С. 164 и след.].

Соответственно, образуются две диатезы: пассивная – бытийная и активная – посессивная.

Отметим, что Т.М. Николаева отмечает типологическую значимость тесной связи этих значений и значения локативности. При этом русскую форму $y + N_2$ она оценивает как локативную (я бы уточнил квазилокативную) [19. С. 218–219]. Таким образом, русская предикативная посессивная конструкция *У X-а есть О* интерпретируется ею как аналог локативно-бытийной конструкции [Там же].

Таким образом, существование, осложненное сопричастностью, и обладание конверсны. Однако неочевидно, что конверсны *потеря* – прерывание обладания и *пропажа* – прерывание существования.

Сложность заключается еще и в том, что посессивное отношение, по сути, представляет собой целую серию разнородных отношений, которые несводимы друг к другу и даже к одному инварианту, а образуют что-то вроде «фамильного сходства». Все это предполагает и разнообразие самой потери как разрушения этого отношения. Потеря шапочки (пресуппозиция обладания), потеря голоса (пресуппозиция качественной характеристики) и потеря друга (пресуппозиция сопричастности) различаются не только результирующим отношением, но и натуральными аспектами протекания события, которые представляют своего рода переменную в семантике потери, остаются за кадром прямого языкового выражения.

Итак, пресуппозицию потери составляет посессивное отношение, в то время как пресуппозиция пропажи – существование. Заметим, правда, что Л.А. Феоктистова отмечает наличие в базовом компоненте значения исчезновения посессивного значения, при этом обращая внимание на тесную связь посессивности с бытийностью [20. С. 7]. Кроме того, она описывает одну из когнитивных моделей исчезновения, связанную с посессивными отношениями [Там же. С. 9–10].

Посессивная пресуппозиция потери сочетается или контрастирует с пресуппозитивным отношением иного рода. Помимо пресуппозиции посессивного отношения субъекта и объекта пропажи, существует пресуппозиция знания субъекта об объекте или восприятия субъектом объекта, назовем такую пресуппозицию когнитивно-перцептивной. Ср., например: *И тут раздался лёгкий писк – ребёнок, карауливший Барби, был схвачен папашей за руку (семья давно взяла машину и ключи от квартиры и забыла насмерть о девочке, и только уже на улице, когда подрались, кому садиться за руль, бабушка вдруг завопила, что где Женька-то, совсем очертенели, ребёнка **потеряли**, анчутки – и папаша был командирован за Женькой обратно на телецентр, он и потащил дочь уходить)* (Л. Петрушевская. Маленькая волшебница). В данном случае *потерять* значит ‘не иметь сведений, утратить визуальный контакт’. При этом посессивное отношение сохраняется: ребенок не стал чужим.

Наличие этих двух пресуппозиций в целом отражается в толковых словарях.

Так, в «Толковом словаре антонимов русского языка» М.Р. Львова предлагается два ЛСВ глагола *потерять*: 1) ‘Лишиться чего-л. по небрежности,

забывчивости; перестать обладать чем-л.'; 2) 'Перестать видеть, замечать кого-что-л.' [21].

В МАС отражаются пять ЛСВ¹, дифференцированных по характеру объекта и акциональной составляющей события: 1) Лишиться чего-л. по небрежности (забывая, оставляя, роняя и т.п. где-л.); 2) Остаться без кого-, чего-л., перестать обладать кем-, чем-л., лишиться, утратить; 3) Утратить частично или полностью присущие кому-л. качества, свойства, состояние и т.п.; 4) Лишиться каких-л. выгод, преимуществ, терпеть ущерб, убытки; 5) Потратить, израсходовать попусту, нецелесообразно [22]. Отметим, что когнитивно-перцептивная пресуппозиция реализуется только в контекстных вариантах, скрытых внутри ЛСВ-1, выделяемого МАС: 'Сбиться с чего-л., упустить что-л.'; 'Перестать видеть кого-, что-л., знать чье-л. местонахождение'.

Наличие двух пресуппозиций означает, что ситуация потери может интерпретироваться тремя способами. С одной стороны, потеря может интерпретироваться как утрата посессивных отношений, при этом несущественно наличие знания / контакта с объектом, ср., например: *Потерял Лизу – лучшее, что у него было.* (И. Грекова. Фазан). С другой стороны, потеря может выступать как утрата знания о местоположении посессивного объекта, но без разрушения посессивной связи с ним, например: *Но когда на второй день она проспала, потеряла кошелек в собственной квартире, а при входе ко мне у нее сломалась ручка от чемодана с косметикой и прочими причендалами – мне уже было не до смеха. в ЗАГСе на записи видно как я когда расписываюсь поднимаю голову и «озираюсь по сторонам» в поисках всех объективов (Курьезы на свадьбах (форум) (2004). Кошелек в сознании субъекта потери продолжает мыслиться как объект обладания, утрачивается только знание о его местонахождении или физический контакт с ним. В пределах этого способа может актуализироваться и пресуппозиция обладания (это несущественный признак, потому что посессивное отношение как внутренняя связь не уничтожается тем, что объект потери утрачен навсегда), например: *В общем, за первый учебный год мы купили 2 пиджака, причем оба потеряны безвозвратно (с учетом, что на втором пиджаке я уже крупными буквами внутри написала фамилию)* (Коллективный. Школьная форма. За и против (2007–2010). И кроме того, глагол *потерять* может использоваться и при отсутствии посессивной пресуппозиции, но при наличии когнитивно-перцептивной пресуппозиции, например: *Несколько человек уже выбежали из разных комнат, преследуя обезумевшего лжемилорда, но в сутолоке они потеряли его среди лабиринта коридоров и ходов. Он ускользнул от преследователей в неприметную дверь подпольного коридора...* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты; возможна, правда, интерпретация, предполагающая априорное наличие сопричастности догоняющего и убегающего).*

Помимо всего прочего, это означает, что следует различать еще и субъекта посессивного отношения и субъекта знания / восприятия. Для определения

¹ Структура словаря такова, что в нем глаголы более сложной морфемной структуры имеют толкование, отсылающее к парному глаголу менее сложной морфемной структуры. Соответственно, для простоты вместо отсылки к глаголу *терять* в толкованиях ЛСВ глагола *потерять* мы заменили глаголы несовершенного вида на соответствующие перфективы.

потенциальной конверсности глагола *потерять* это соотношение может играть важную роль. Приведем пример несовпадения субъектов: \emptyset ‘натурщица’ **Потеряла свой запах**, вкус... *От нее пахло дешевым вином, дышала, вкус его, гнилостно-кислый, сочился из ее губ* (О. Павлов. Асистолия). В пресуппозиции данной ситуации оказывается два субъекта. Один субъект, выраженный синтаксическим нулем, (натурщица) является обладателем, другой, нарратор, – воспринимающим субъектом. Ср.: *У нее пропал *ее (*свой) запах...* хотя возможно *Пропал ее запах...*

Обнаруживается, однако, что и экзистенциальная пресуппозиция пропажи тоже сложным образом сочетается с когнитивно-перцептивной пресуппозицией. Ср., например: *Он больше не объявлялся, пропал – и концы в воду* (И. Грекова. Перелом (1987)). В данном случае глагол *пропасть* обозначает не прекращение существования, а прекращение знания субъекта восприятия об объекте пропажи.

Для глагола *пропасть* в МАС находим четыре ЛСВ: 1) ‘Потеряться, затеряться, исчезнуть неизвестно куда (вследствие кражи, небрежности и т. п.)’; 2) ‘Перестать появляться где-л., уйти куда-л. на продолжительное время’; 3) ‘Исчезнуть, утратиться’; 4) (обычно в сочетании со словами: «даром», «пусту», «зря» и т.п.). ‘Пройти бесполезно, безрезультатно’ [24]. Обратим внимание на то, что в толковании ЛСВ-1 глагола используется возвратная форма глагола *потерять*.

Чтобы проверить, конверсны ли на самом деле глаголы, обозначающие события потери и пропажи, необходимо провести наблюдение над их употреблением для обозначения ситуаций с разными субъектами и объектами потери, учитывая также различия в пресуппозитивном отношении.

Воспользуемся для этого как непосредственным наблюдением и сопоставлением значений высказываний с предикатом *потерять* и *пропасть*, так и экспериментальным приемом – трансформацией вида

X потерял Y(∅/-а) → (у X-а) пропал Y

или

у X-а пропал Y → X потерял Y(∅/-а),

где X – субъект потери, а Y – объект потери.

При этом будем обращать внимание на тождество общего смысла исходной и трансформированной фразы.

Общая картина следующая.

Было обнаружено, что устойчиво конверсны в обоих направлениях предложения, в которых в качестве объекта потери выступают:

1) отношение, состояние, желания и потребности: *И знаете, с тех пор у меня совершенно пропал интерес к химии!* (И. Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд?). Ср., *Нет, она уже на всю жизнь. Я попросту потерял интерес ко всему* (Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение); *Здесь показателен пример Португалии, где после революции 25 апреля 1974 г. направленная в колонии армия потеряла всякое*

желание сражаться, солдаты и младшие офицеры думали лишь о том, как быстрее добраться до дома (Егор Гайдар. Гибель империи (2006); Выбросив из шкафов их содержимое, она стала примерять платья и, в разгаре своих занятий, вдруг устала так, что у нее **пропало** желание бегать по траве (А.С. Грин. Джесси и Моргiana (1928);

2) внутренние качества: *От старости он в значительной мере **потерял** голос, но пел на клиросе, так как единственно он мог каждый день это делать* (митрополит Антоний (Блум). О браке, о детях (1995)); *Температура у меня была всего 1,5 дня, не поднималась выше 38,1С. Проблема в том, что у меня совершенно пропал голос!* (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум) (2005);

3) предметы: *«**Потерял** свой любимый картуз, – сокрушался он во время одного из осенних дачных променадов, – и теперь плешь продувает, пришлось надеть шапку* (А. Висков. Наследник апостола Иоанна); *До недавнего времени я была уверена, что мой дипломный проект – и его планировочная часть, и объёмный проект пантеона – исчез где-нибудь в архивах Архитектурного института или вовсе **пропали** (ведь прошло почти полвека!)* (И.А. Архипова. Музыка жизни);

4) животные: *Это было, как на сказочном распутье: прямо пойдёшь – голосу сложишь, налево пойдёшь – коня **потеряешь**, направо – тоже какая-то гибель* (Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976); *Однажды у нас **пропала** лошадь. Мы с раннего утра ее искали, и, когда солнце поднялось на высоту хорошего бука, мы напали на ее след* (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989).

5) возможности, ср., например: *В среду 20-летний австралиец гарантировал себе ещё столько же, однако и Агасси, несмотря на поражение, ещё не потерял шансы закончить год теннисным королём* (Ромуальд Шидловский. Кто хочет стать первой ракеткой. Лейтон Хьюитт проявляет большее рвение, чем Андре Агасси (2001) // «Известия». 2001.14.11), ср. ...у Агасси... не пропали шансы; *Я буду плакать, если у меня пропадет возможность взаимодействовать с людьми, в смысле, что-то отдавать им* (Александр Клейн. Борис Гребенщиков: Рамакришна – один, а нас – миллионы!.. // «Пятое измерение». 2002), ср. ...я потеряю возможность взаимодействовать с людьми; – *Пойдем быстрее, а то у меня очередь пропадет* (Эдуард Лимонов. Молодой негодяй (1985), ср. я... потеряю очередь.

6) время, ср., например: *«Я **потерял** день», – воскликнул один из древних мудрецов, вспомнив, что он в течение целого дня не оказал никому из своих подданных никакого благодеяния* (архимандрит Георгий (Тертышников). Проповеди // «Альфа и Омега». 2001); *Она поругала Чагатаева – зачем он ее не разбудил раньше и у нее весь день **пропал*** (А.П. Платонов. Джан (1933–1935).

Равновероятно наличие и отсутствие конверсности у предложений, в которых в качестве объекта потери выступают деньги, например: *И дело даже не в том, что страна и «ЮКОС», если верить оценкам экспертов, уже потеряли на бирже 7 млрд долл., а золотовалютные резервы России упали на 1 млрд долл., но главное – назревающая «деприватизация» в стране, последствия которой, по его словам «даже могут привести к гражданской войне»*

(Оксана Карпова. Бизнес в растерянности (2003) // «Время МН». 2003.31.07), ср. *у страны и ЮКОСа пропали на бирже 7 млрд долл.; Как-то один жилец потерял у нас пятьсот долларов, а когда я ему их принёс, он сказал, что у него нет мелких (Коллекция анекдотов: гостиница (1970–2000), ср. ...у одного жильца пропали... пятьсот долларов; Еще тут ее подговорили вложиться в МММ, и все сбережения долгих лет у нас пропали (Анна Матвеева. Голев и Кастро. Приключения гастарбайтера // «Звезда», 2002), ср. ...и все сбережения долгих лет мы потеряли; Они действуют совершенно самостоятельно, а от нового статуса отмахиваются только потому, что не хотят потерять гарантированный денежный паёк (Ирина Мельникова. Школа выживания (2003) // «Итоги». 2003.11.02); ср. *...не хотят, чтобы у них пропал гарантированный денежный паёк.

С высокой вероятностью неконверсны в обоих направлениях предложения, в которых в качестве объекта потери выступает *часть тела человека*, например: *Этот удивительный человек, 39 лет прослуживший во флоте и принявший участие в 23 кампаниях, к моменту встречи с армией Вернона потерял в сражениях ногу, руку и глаз.* (А. Фатющенко. Четыре лика Картажены); *А пока что спрашивал Алешку каждый встречный, где же потерял он зуб, и Холмогоров охотно вступал в разговор: «Вырвали, чтобы новый вставить»* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь». 2001). В данной ситуации происходит разрыв посессивного отношения, человек лишился функциональных частей тела. Ср. высказывание с глаголом *пропасть*, например: *Моя правая нога пропала – отморожены почти все пальцы...* (В. Песков. Белые сны). В этом примере значение пропажи не тождественно значению потери: нога у человека есть, но она потеряла свои функции¹.

Это ограничение на конверсные отношения связано с тем, что части тела не просто принадлежат человеку, а являются его неотъемлемыми составляющими, ср. используемое в семантике посессивных отношений понятие неотчуждаемой принадлежности, имеющее несколько иной объем. Поэтому, как правило, когнитивно-перцептивная пресуппозиция у глагола *потерять* не может быть актуализирована.

Если же речь идет об отделимых компонентах тела, то в некоторых случаях замена возможна. Так, интересна ситуация с физиологическими жидкостями. В ситуации с объектом – кровью конверсности не наблюдается, например: *Когда я болел, я потерял много крови ≠ *у меня пропало много крови* (Г. Хабаров. Иконописец авангарда (2003) // «Совершенно секретно». 2003.07.10). Однако конверсны выражения *у X пропало молоко* и *X потеряла молоко*, ср., например: *Кормилицы вынуждены уступить, боясь во время забастовки **потерять** молоко* (неизвестный. Из нового Брюсова календаря на 1906 год (1905.13.12) // «Новое время». 1905); *Папа испугался за неё и за маленького – от переживаний у мамы могло **пропасть** молоко и тогда ребёнка нечем было бы кормить* (И.А. Архипова. Музыка жизни (1996). В данном

¹ Интересно, что если речь идет о качествах, то утрата функциональности, порча способна выражаться не только глаголом *пропасть*, для которого это одно из системных значений (в МАС это значение не отражено), но и глаголом *потерять*.

случае кровь выступает жизненно необходимой жидкостью, в то время как молоко появляется у женщины только в процессе вынашивания и вскармливания ребенка и его наличие определяется множеством факторов. Кроме того, наличие молока у роженицы можно считать чем-то вроде потенциала грудного вскармливания, что сближает его с качествами.

Презумпция неотделимости части тела может привести к комическим ситуациям. Ср. эпизод из произведения И. Грековой:

Дело было так: Таня играла на балконе со своим двухлетним братом Сашей, оставленным взрослыми на ее попечение. Мальчик забавлялся ногой, оторванной от деревянного паяца-дергунчика. В ноге еще сохранилась тугая резинка; Саша вытягивал ее, отпускал и с удовольствием слушал звонкий щелчок. Но вдруг как-то ненароком он выронил ногу, и она упала вниз на другой балкон.

Саша залился отчаянным ревом. «Ногу! Ногу!» – кричал он и никак не хотел успокоиться. Таня была в квартире одна с братом и должна была принять решение. Она знала, что там, внизу, живут Солнцева (недаром папа, запрещая им с Сашей прыгать и стучать, всегда говорил: «Не стучите по потолку Солнцевых!»). Таня – человек долга, а долг повелевал зайти к Солнцевым и попросить, чтобы они вернули ногу... Отворила ей сама хозяйка квартиры, солидная дама с усами.

– Простите, пожалуйста, что я вас беспокою, – очень вежливо сказала Таня, – но дело в том, что мой брат потерял ногу и очень плачет.

Солнцеву чуть удар не хватил при таком известии...

(И. Грекова. Знакомые люди).

Если объектом потери выступает человек, то вступают в силу некоторые дополнительные факторы, связанные с неоднозначностью и многообразием человеческих отношений:

1) если актуализируется когнитивно-перцептивная пресуппозиция, то, как правило, допустима конверсность. Ср. ФЕ *потерять из виду*, например: *Упиваясь потоками собственного красноречия, мы на мгновение потеряли его из виду, но вскоре из небольшого заплывшего натёками окна донёсся голос.* Ср.: *...он пропал из виду* (И. Вольский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд?). Важно отметить, что кажется неприемлемым заполнение позиции у N₂: *Он ? у них пропал из виду...* Однако компонент *из виду* не обязателен, см., например: *Аня всюду следовала за мной, словно боялась потерять Ø ‘меня’* (Анна Маева. Дар на всю жизнь (1999) // «Здоровье». 1999.15.03). Ср.: *Тут очнулась и задремавшая было Мария; она таращит глаза и начинает кричать: «Олю украли, ребенок пропал!»* (О. Чехова. Мои часы идут иначе);

2) если потеря обозначает **разрыв социальных отношений**, т.е. актуализируется посессивная пресуппозиция, то конверсность невозможна: *Потерял Лизу – лучшее, что у него было* (И. Грекова. Фазан);

3) если потеря обозначает **смерть** человека – объекта посессивного отношения, то конверсия также невозможна, хотя актуализируется пресуппозиция существования, см., например: *Известно, что потеряв жену в 1923 или 1924 году (Рая родилась в 1921-м), Фёдор тотчас женился* (Э. Лимонов.

У нас была Великая Эпоха); Ребенка Янка **потеряла**, начались осложнения, и ее пришлось оставить в больнице. (М. Шишкин. Письмовник) – значение – смерть.

В данном и некоторых других случаях существенным ограничением выступает разный характер неконтролируемости потери и пропажи. Потеря части тела или близкого человека путем физической смерти или разрыва сопричастности может быть неконтролируемой, но наблюдаемой и осознаваемой, в то время как пропaja предполагает разрыв когнитивно-перцептивного отношения, обычно неожиданный, при отсутствии разрыва сопричастности.

В семантике пропажи также имеются семантические нюансы, препятствующие конверсии.

Так, отсутствие тесного отношения сопричастности делает невозможной конверсию, хотя разрушения посессивного отношения не наблюдается, например: *Старушка одна позвонила: говорит, сосед у нее пропал*. Ср. *...она потеряла соседа (Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000). Соседские отношения не являются сильной сопричастностью, поэтому конверсия с сохранением исходной семантики невозможна.

Таким образом, при определенном сочетании пресуппозиций и с учетом лексического заполнения позиции объекта потери *пропáсть* может вступать в отношение конверсности с *потерять*. Это значит, что требуется описание необходимого сочетания пресуппозиций и лексического заполнения позиции объекта, позволяющих глаголам реализовать конверсность. Наши наблюдения показывают, что наличие конверсивных отношений между глаголами *потерять* и *пропáсть* определяется наличием двух пресуппозиций, каждая из которых факультативна:

- 1) X сопричастен Y (обладает Y как частью тела, владеет, находится в отношениях родства или иных личных отношениях и т.п.);
- 2) до потери X видел Y-а и / или знал, где находится Y.

Литература

1. Золотова Г.А., Ониненко Н.К, Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2004. 544 с.
2. Ким И.Е. Следствие, цель и коммуникативное намерение в семантике социального действия: фрагмент языковой картины мира // Филология и человек. Барнаул. 2011. № 2. С. 59–71.
3. Холодович А.А. Проблемы грамматической категории. Л.: Наука, 1979. 304 с.
4. Linde Ch. Focus of attention and the choice of pronouns in discourse // Syntax and semantics. New York; San Francisco; London: Acad. press, 1979. Vol. 12. P. 337–354.
5. Кибрик А.А. Местоимения как дейктическое средство // Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис. М., 1992. С. 207–236.
6. Ким И.Е. Контролируемость действия: сущность и структура // Лингвистический ежегодник Сибири / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск, 1999. С. 19–31.
7. Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2009. 325 с.
8. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. 1986. Вып. 28. С. 5–33.
9. Молошина Т.Н. План выражения категории посессивности // Категория посессивности в славянских и балканских языках. М., 1989. С. 112–215.
10. Раушенбах Б.В. Геометрия картины и зрительное восприятие. СПб.: Азбука-классика, 2002. 320 с.

11. Новиков Л.А. Антонимия в русском языке: (Семантический анализ противоположности в лексике). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 291 с.
12. Диброва Е.И., Касаткин Л.Л., Николина Н.А., Щеболева И.И. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студентов высш. учеб. заведений: в 2 ч. Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / под ред. Е.И. Дибровой. М.: Изд. центр «Академия», 2006. 480 с.
13. Степанова Ф.В. Антонимия как семантическая противоположность слова // Евсеева И.В., Лузгина Т.А., Славкина И.А., Степанова Ф.В. Современный русский язык: курс лекций. Красноярск, 2007. С. 97–102.
14. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. 198 с.
15. Добричев С.А. Конверсные отношения в современном английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 40 с.
16. Иванова И.Е. Репрезентация конверсивной лексики в современном русском языке и проблемы её лексикографирования: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 183 с.
17. Минчук И.И. Симметрия и асимметрия в семантико-синтаксическом поле конверсности русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2013. 24 с.
18. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика-Пресс, 1994. 608 с.
19. Николаева Т.М. Поссесивность и другие содержательные категории в высказывании // Категория поссесивности в славянских и балканских языках. М., 1989. С. 216–246.
20. Феоктистова Л.А. Номинативное воплощение абстрактной идеи: (На материале русской лексики со значением 'пропасть, исчезнуть'): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 22 с.
21. Львов М.Р. Толковый словарь антонимов русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 512 с.
22. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.

LOSS AND DISAPPEARANCE IN THE RUSSIAN SYNTACTIC SEMANTICS: CONVERSENESS AND ASYMMETRY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 49. 24–37. DOI: 10.17223/19986645/49/2

Igor E. Kim, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: kimkim27601@yandex.ru

Tatiana A. Sharoglazova, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: t.sharoglazova@mail.ru

Keywords: semantics of action, semantics of loss / disappearance, presuppositions, possessivity, ownership, existence.

This article deals with the semantics of the verb *poteryat* 'to lose' and its potential converse verb *propast* 'to disappear'. In the authors' opinion, the verbs *propast* and *poteryat* are not converse in all their meanings because a more thorough study of the semantics of the two words shows that loss and disappearance in Russian have not only different diathesis but also different presupposition: *poterya* 'loss' means interrupting the relations of possession, and *propazha* 'disappearance' means nonexistence in the perceived world. However, there is an intersection area of the semantics of loss and disappearance. The converseness of the two verbs is determined by the possibility of using converse transformation $X_{\text{NOM}} \textit{poteryat} Y_{\text{ACC}} [X \text{ has lost } Y] \Leftrightarrow (u X_{\text{GEN}}) \textit{propal} Y_{\text{NOM}} [Y \text{ has disappeared from } X]$, which allows to include information about the lexical converse term *propast* in the dictionary entry of the verb *poteryat* taking into account the presuppositional part of the meaning.

The verb *poteryat* has two presuppositions of possessive relations and a prior perceptual contact of a subject with the lost object or prior knowledge about the location of the object (perceptual-cognitive presupposition). The latter presupposition can be combined with the possessive presupposition or replace it. The verb *propast* has the same presupposition. In general, if the cognitive-perceptual presupposition is actualized, that is, if loss and disappearance interrupt the perceptual and cognitive contact, the verbs are converse. If loss destroys possessive attitude only, and disappearance

interrupts existence, in the general case the verbs are not conversive. For example, the loss of a body part, which is the inalienable accessory of a person, is not equivalent to its disappearance, because interruption of possession relation is not accompanied with interruption of knowledge of the separated body part location, which is not compatible with the semantics of disappearance, suggesting the interrupting knowledge about the location of the body part.

There are also restrictions on mutual converseness of the verbs related to their polysemy. For example, the meaning of functional unsuitability of a thing of the verb *propást'* does not allow it to engage in a converse relation with the verb *poteryat'*.

References

1. Zolotova, G.A., Onipenko, N.K. & Sidorova, M.Yu. (2004) *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow: Institute of the Russian Language, RAS.
2. Kim, I.E. (2011). Consequence, Goal and Communicative Intention in the Semantics of Social Action: Fragment of Language Picture of the World. *Filologiya i chelovek*. 2. pp. 59–71. (In Russian).
3. Kholodovich, A.A. (1979) *Problemy grammaticheskoy kategorii* [Problems of the grammatical category]. Leningrad: Nauka.
4. Linde, Ch. (1979) Focus of attention and the choice of pronouns in discourse. In: Givon, T. (ed.) *Syntax and semantics*. Vol. 12. New York, San Francisco, London: Acad. press.
5. Kibrik, A.A. (1992) Mestoimeniya kak deyticheskoe sredstvo [Pronouns as a deictic means]. In: Arutyunova, N.D. et al. *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Kommunikatsiya, modal'nost', deysis* [Human factor in the language: Communication, modality, deixis]. Moscow: Nauka.
6. Kim, I.E. (1999) Kontroliruemost' deystviya: sushchnost' i struktura [Controllability of action: essence and structure]. In: Grigor'eva, T.M. (ed.) *Lingvisticheskiy ezhegodnik Sibiri* [Linguistic Yearbook of Siberia]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University. pp. 19–31.
7. Kim, I.E. (2009) *Lichnaya sfera cheloveka: struktura i yazykovo voploshchenie* [Personal sphere of the person: structure and language representation]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
8. Apresyan, Yu.D. (1986) Deyksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira [Deixis in vocabulary and grammar and a naive world model]. *Semiotika i informatika – Semiotics and Informatics*. 28. pp. 5–33.
9. Moloshnaya, T.N. (1989) Plan vyrazheniya kategorii possessivnosti [Expression of the category of possessiveness]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Kategoriya possessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [The category of possessiveness in the Slavic and Balkan languages]. Moscow: Nauka.
10. Raushenbakh, B.V. (2002) *Geometriya kartiny i zritel'noe vospriyatie* [Geometry of the picture and visual perception]. St. Petersburg: Azbuka-klassika.
11. Novikov, L.A. (1973) *Antonimiya v russkom yazyke (Semanticheskii analiz protivopozhnosti v leksike)* [Antonymy in the Russian language (Semantic analysis of the opposite in the vocabulary)]. Moscow: Moscow State University.
12. Dibrova, E.I., Kasatkin, L.L., Nikolina, N.A. & Shcheboleva, I.I. (2006) *Sovremennyy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh edinits* [The modern Russian language. Theory. Analysis of language units]. Pt. 1. Moscow: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya".
13. Stepanova, F.V. (2007) Antonimiya kak semanticheskaya protivopozhnost' slova [Antonymy as the semantic opposite of the word]. In: Evseeva, I.V. et al. *Sovremennyy russkiy yazyk: Kurs lektsiy* [Modern Russian language: A course of lectures]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University.
14. Lomtev, T.P. (1979) *Struktura predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* [The sentence structure in the modern Russian language]. Moscow: Moscow State University.
15. Dobrichev, S.A. (2005) *Konversnye otnosheniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Conversive relations in modern English]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
16. Ivanova, I.E. (2016) *Reprezentatsiya konversivnoy leksiki v sovremennom russkom yazyke i problemy ee leksikografirovaniya* [Representation of the conversive vocabulary in modern Russian and the problems of its lexicography]. Philology Cand. Diss. Volgograd.
17. Minchuk, I.I. (2013) *Simmetriya i asimmetriya v semantiko-sintaksicheskoy pole konversnosti russkogo yazyka* [Symmetry and asymmetry in the semantic-syntactic field of the conversiveness of the Russian language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Minsk.
18. Levy-Bruhl, L. (1994) *Sverkh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Translated from French. Moscow: Pedagogika-Press.
19. Nikolaeva, T.M. (1989) Possessivnost' i drugie sodержatel'nye kategorii v vyskazyvanii

[Possessiveness and other content categories in the utterance]. In: Ivanov, V.V. (ed.) *Kategoriya posesivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh* [The category of possessiveness in the Slavic and Balkan languages]. Moscow: Nauka.

20. Feoktistova, L.A. (2003) *Nominativnoe voploshchenie abstraktnoy idei (Na materiale russkoy leksiki so znacheniem "propast', ischeznut")* [Nominative representation of an abstract idea (On the material of Russian vocabulary with the meaning "to get lost, disappear")]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ekaterinburg.

21. L'vov, M.R. (2012) *Tolkovyy slovar' antonimov russkogo yazyka* [The explanatory dictionary of the antonyms of the Russian language]. Moscow: AST-Press Kniga.

22. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language. In 4 volumes]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.